

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОХОТСКАЯ КУЛЬТУРА»

Введение

Понятия «керамика охотского типа», «охотская культура» впервые были использованы японскими археологами в начале XX в. для обозначения чего-то выходящего за рамки общей археологической периодизации истории Японского архипелага, того, что на севере Хоккайдо резко отличалось от культур дзёмон или сацумон. В связи с накопившимися на сегодняшний день новыми данными назрела необходимость пересмотра понятия «охотская культура» [Василевский, 2006]. Попытаемся дать свое видение ситуации на основе собственного анализа материалов второй половины I – начала II тыс. н.э. с Сахалина, Хоккайдо, из Приамурья, Северо-Западного Приохотья.

Современное прочтение охотской культуры

Исследованием охотской культуры занимаются в основном российские и японские исследователи. Первые «керамика, не имеющая веревочного орнамента» была обнаружена еще в 1890 г. Сирота Камэдзиро на о-ве Рэбун у северной оконечности о-ва Хоккайдо [Накамура Ицуки, 1979, с. 58]. В 1913 г. Ёнэмура Киёси назвал глиняные изделия, найденные на памятнике Моёро у г. Абасири, керамикой типа моёро [Кикиути Тэцуо, 1972, с. 5]. В 1932 г. Сугияма Суэо для керамики с Курильских островов, а также Хоккайдо и Сахалина дал обобщенное название «керамика хоккай» [1932, с. 432–437]. В 1933 г. Коно Хиромити для керамики этого региона вводит определение «керамика охотского типа», которое и закрепилось на многие

годы. По находкам с Моёро он выделил четыре группы керамики [Коно Хиромити, 1933, с. 19–20]. Керамика группы А имела оттиски гребенчатого и фигурного штампов, группы В – резной орнамент и насечки, группы С – волнообразный налепной валик, группы Д – лапшевидные налепные полоски. Сосуды первых трех групп найдены в нижнем, а четвертой – в верхнем слоях. После Коно Хиромити предпринимались попытки дать другие названия охотской керамике. Так, Сугихара Сёсукэ предлагал название «керамика охотского побережья» [Накамура Ицуки, 1979, с. 59], а Баба Осаму, исследовавший охотские памятники в северной части Курильских островов, использовал термин «керамика хоппо» (северная керамика) [Кикиути Тосихико, 1995, с. 34].

В основе всех имеющихся на сегодняшний день периодизаций данной керамики лежит периодизация Ито Нобуо, созданная в 1930-е гг. для находок с Южного Сахалина. Он выделил следующие, последовательно сменявшиеся на его взгляд, типы керамики, которые в дальнейшем увязывались с «охотской культурой»: сусуя, товада, эноура-В, эноура-А, минамикайдзука и хигаси-тарайка; их названия происходят от японских топонимов на Сахалине [1942, с. 19–44]. В настоящее время среди японских археологов нет единства по поводу периодизации охотской культуры [Усиро Хироси, 1991, 1995; Фудзимото Цуёси, 1966; Маэда Усио, 1987]. Одни относят к ней все типы керамики и отсчет ведут от сусуйского типа, другие считают, что началу охотской культуры соответствует керамика типа товада.

В советский период в России охотская культура, имевшая протонивхские корни, определялась нача-

лом I тыс. до н.э. – серединой II тыс. н.э. [Васильевский, Голубев, 1976]. Сейчас в российской археологии доминирует мнение, что охотская культура представляет собой этнокультурную совокупность последовательно хронологически (V в. до н.э. – XIII в. н.э.) и географически соседствовавших культур – сусуйской, онкороманной, товада и собственно охотской культуры. А в последней А.А. Василевским в 1999 г. выделены еще сахалинский и хоккайдский варианты и тобинитай [с. 129–133]. Однако в дальнейшем исследователь, учитывая сходство в гончарстве охотской и мохэской культур, предметов материкового происхождения на Сахалине и Хоккайдо, выступил с положением об охотской культуре как об островном варианте мохэской [2005б].

Типы керамики охотской культуры

Кратко охарактеризуем типы керамики, которые были выделены и отнесены к охотской культуре Ито Нобуо, а также археологами последующих поколений (см. таблицу).

Керамика типа сусуя. Представлена кругло-, остро- и плоскодонными сосудами без горловины, с широким открытым устьем. Орнамент состоит из различных композиций, исполненных оттисками шнура или гребенчатого штампа. Памятники с данной керамикой в настоящее время выделяются в отдельную сусуйскую культуру. Они связаны с традициями культур эпидзёмон, датируются периодом от V–IV вв. до н.э. (юг Сахалина) до II–V вв. н.э. (юг Сахалина, север Хоккайдо). По мнению Ямаура Киёси, сосуды типа сусуя на севере Хоккайдо в отличие от сахалинских не украшены гребенчатым орнаментом [1985, с. 57]. Однако данный орнамент имеется на керамике, обнаруженной на памятниках на севере Сахалина и в устье Амура. Это керамика типа эсутору [Нииока Такэхико, 1970] и типа 1а (памятник Хандуза) [Там же], которая в российской археологии входит в керамические комплексы набильской культуры [Василевский и др., 2005]. Учитывая отсутствие гребенчатого орнамента на сосудах с Хоккайдо, можно предположить, что влияние керамики набильской культуры на юге Сахалина начало проявляться во II в. н.э. Возможно, что ее распространение в этой части острова было связано с вытеснением некоторых племен с севера носителями польцевской культуры.

Керамика типа товада. Слабопрофилированные сосуды, орнаментированные проколами под краем венчика и резными линиями с насечками. Данная керамика бытовала в V–VI вв. на юго-западе Сахалина и севере, северо-востоке Хоккайдо. По нашему мнению, она, судя по морфологическим отличиям от сусуйской керамики и керамики типа эноура, является прояв-

лением самостоятельной культуры. На юго-востоке о-ва Сахалин в это время, возможно, продолжали жить люди, изготавливавшие керамику типа сусуя [Шубина, 1999, с. 238].

По мнению Ямаура Киёси, керамика типа товада своим происхождением обязана материковым культурам [1985, с. 61]. Возможно, она каким-то образом связана с охотничьими племенами, представлявшими самаргинскую культуру, керамика которой имеет сквозные отверстия или наколы под краем венчика [Дьяков, 1982]. Это предположение не лишено основания – финал самаргинской культуры, согласно последним исследованиям в Северо-Восточном Приморье [Дьякова, Дьяков, 2000], стыкуется с мохэским периодом, т.е. совпадает с появлением на Сахалине керамики товада. Вместе с тем нельзя исключать возможность формирования керамики типа товада на основе керамики тымского типа, которая бытовала на Сахалине в I тыс. до н.э.*

Керамика типа эноура. Вдоль южного побережья Охотского моря вплоть до северной части Курильских островов находятся памятники VII–IX вв. с керамикой типа эноура, которую мы склонны относить к первой фазе развития охотской культуры (рис. 1). Отдельные ее образцы фиксируются даже на севере Хонсю [Судзуки Кацухико, Тэрада Токухо, 1993]. Поскольку на севере Курильских островов керамика тобинитай, минами-кайдзука, сацумон не обнаружена [Игараси Кунихиро, 1989], то вполне вероятно, что в том районе традиция изготовления керамики типа эноура сохранялась до XIII в. Считается, что основой формирования гончарной традиции эноура являются керамические традиции найфельдской группы мохэской культуры [Като Симпэй, 1975; Кикиути Тосихико, 1995]. Однако не исключено, что в ее основе лежат гончарные традиции польцевской культуры. На такую возможность указывают и японские исследователи [Кикиути Тосихико, 1995, с. 109–110].

На северо-западном побережье Охотского моря среди материалов токаревской культуры и раннего железного века [Лебединцев, 1990] имеется керамика, аналогичная керамике типа эноура-В (стоянка Спафарьева) и эноура-А (стоянка Кухтуй VIII) [Дерюгин, 2006].

В устьевой зоне Амура выделена тэбахская культура [Копытько, 1989], которая, по нашему мнению, является лишь локальным вариантом охотской культуры. Среди ее материалов наряду с керамикой типа эноура представлена группа керамики тэбахского типа – слабопрофилированные сосуды с наlepным валиком под венчиком, штамповым орнаментом по горловине и вафельными оттисками по тулову.

*Керамика тымского типа выделена по результатам исследований в 2006 г.

Периодизация типов керамики охотской культуры

Период	Среднеамурская низменность	Северо-Западное Приохотье	Устье Амура	Север Сахалина	Юг Сахалина	Север Хоккайдо	Северо-восток Хоккайдо	Южные Курильские острова	Северные Курильские острова
V в.		Древнекорякская культура	Устьевой вариант польцевской культуры (?)	Набильская культура (?)	Сусуйская культура			Эпидзёмон	
VI в.	Найфельдская группа				Культура товада				
Первая половина VII в.		Эноура-В (Спафарьева)	Эноура-В (вид е) Тэбах (вид б)	Эноура-В	Эноура-В	Кокумон (Фудзимото-б)	Кокумон (Фудзимото-б)	Кокумон (Фудзимото-б)	Эноура-В
Вторая половина VII – первая половина VIII в.		Эноура-А (Кухтуй VIII)	Эноура-А (вид д) Тэбах (вид с)	Эноура-А	Эноура-А	Чинсэммон (Фудзимото-с)	Чинсэммон (Фудзимото-с)	Чинсэммон (Фудзимото-с)	Харицукэмон (Фудзимото-д)
Вторая половина VIII в.	Троицкая группа	Эноура-3 (Уйка)	Эноура-3	Эноура-3	Эноура-3	Сомэммон (Фудзимото-е)	Сомэммон (Фудзимото-е)	Сомэммон (Фудзимото-е)	Сомэммон (Фудзимото-е)
Первая половина IX – первая половина X в.				Хигаси-тарайка	Моточи				
Вторая половина X – первая половина XI в.	Культура амурских чжурчженей		Минами-кайдзука (вид г)	Минами-кайдзука	Минами-кайдзука	Сацумон	Тобинитай II	Тобинитай II	Тобинитай III, I
Вторая половина XI – XIII в.							Тобинитай III, I	Тобинитай III, I	Традиция эноура (?)

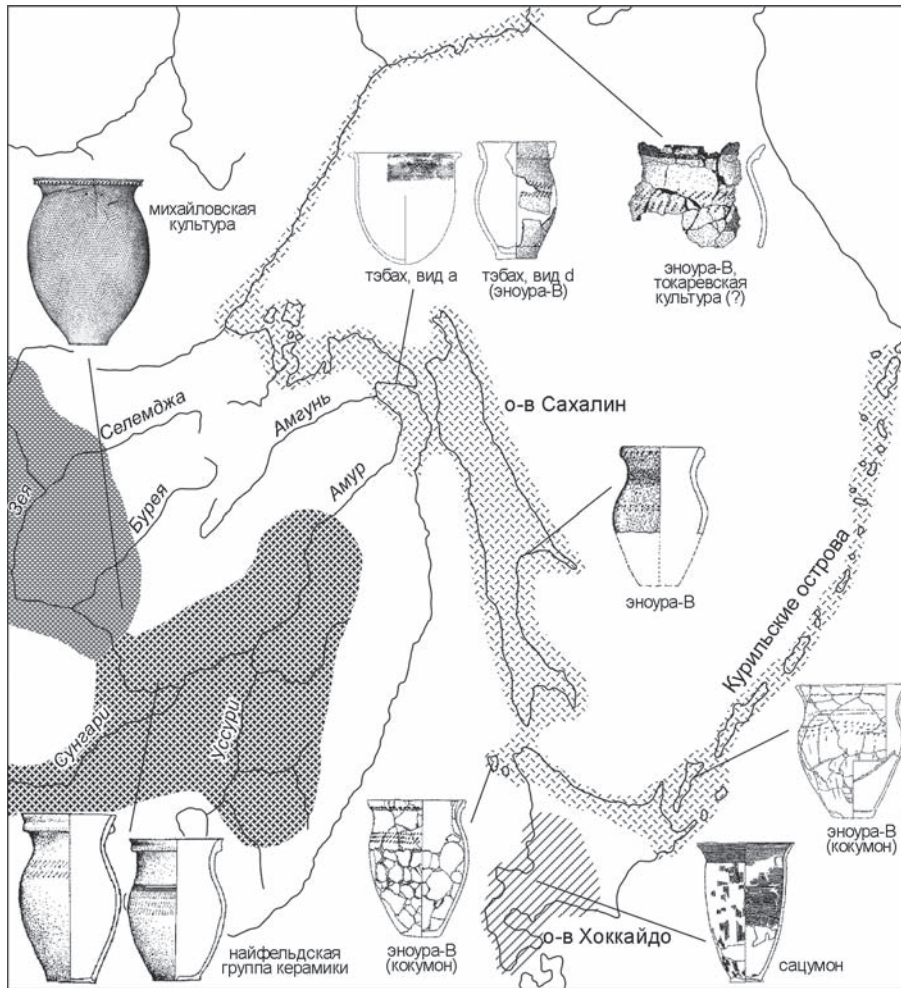

Рис. 1. Распространение основных керамических традиций в Приамурье и Охотоморье в VII в.

Ее особенностью (вид а) является круглое дно. Впоследствии традиции керамики тэбахского типа сливаются с традицией керамики эноура, в результате чего формируется поздняя керамика типа эноура-3, которая зафиксирована на Амуре [Дерюгин и др., 2003, с. 121, 127], Сахалине [Кумаки Тосиаки, 2004, с. 73], в Северо-Западном Приохотье [Дерюгин, 2006, с. 149].

Керамика типа эноура-В, которая представлена горшковидными сосудами, часто украшенными гребенчатыми оттисками по тулову и наlepным валиком под краем венчика, бытовала достаточно непродолжительное время. По-видимому, она связана с каким-то единичным проникновением на острова обитателей материка.

Уже с VIII в. в силу разбросанности пришлого населения на широкой территории, от устья Амура до северных Курильских островов, проявляются локальные различия, что ярко видно на примере трансформации керамики типа эноура. На Хоккайдо в данной гончарной традиции отмечен переход от рез-

ной и штамповой орнаментации (кокумон) к развитию наlepного орнамента (сомэммон).

Среди исследователей утвердилось мнение о связи охотской культуры с морскими зверобоями, хотя остеологические данные указывают на то, что основой хозяйства носителей охотской культуры было морское рыболовство. По расчетам Нисимото Тоёхиро, их рацион питания, согласно материалам памятника Кабукай, по калорийности на 80 % состоял из морской рыбы [Охоцуку..., 1982, с. 100–101]. Не стоит завышать роль свиноводства у охотского населения на Хоккайдо. Подавляющее количество костей свиньи обнаружено лишь на памятниках Кабукай и Фунадомари на о-ве Рэбун [Ямада и др., 1995, с. 74], самом близком островке к Сахалину, тогда как на остальных охотских памятниках обнаружено менее 3 % костей этого животного от общего числа найденного остеологического материала.

Погребения охотской культуры на Хоккайдо представлены неглубокими могильными ямами прямо-

угольной формы. Черепа ориентированы обычно на северо-запад. При раскопках на памятнике Моёро в ящике из плоских камней отмечено погребение останков кремации [Охоцуку..., 1982, с. 64]. Носители охотской культуры накрывали лицо покойника камнем или перевернутым вверх дном сосудом. В захоронениях часто находят изделия материкового происхождения, например, каменные и металлические части комбинированных ушных сережек, стеклянные бусы, наконечники металлических копий, мечи с прямой рукоятью, детали наборных поясов и т.д. Многие из них аналогичны материалам культур Приамурья VII – начала XI в. [Кикути Тосихико, 1995, с. 292–300].

Керамика типа минами-кайдзука. Поздний период охотской культуры представлен различными вариантами керамики типа минами-кайдзука в виде слабопрофилированных сосудов со штамповым и резным орнаментом, относимой к середине IX – XIII в. (рис. 2). Ее ареал включает весь Сахалин и устье Амура (вид f тэбахской культуры). Керамика типа минами-кайдзука по происхождению связана, по-видимому, со станковой керамикой покровской культуры [Дерюгин, 1998]. Но в ее основе лежат гончарные традиции эноура и керамики тэбахского типа. Подобная керамика имеется и в Северо-Западном Приохотье среди материалов древнекорякской культуры со стоянки Станюковича [Дерюгин, 2006]. На Хоккайдо керамика типа минами-кайдзука найдена только на памятнике

Уэннай; в сосуде с поселения Чито-Н [Удзиэ Тосифуми, 1995] можно видеть лишь смешение традиций сацумон и минами-кайдзука. Видимо, в X в. влияние на население Хоккайдо обитателей Сахалина полностью прекращается.

Керамика типа хигаси-тарайка. Толстостенные слабопрофилированные сосуды, украшенные зашипами, резным, штамповым и лепным орнаментом. Распространена в Центральном и, возможно, на Южном Сахалине. Данная керамика залегает ниже слоя с керамикой минами-кайдзука [Федорчук, 1995]; радиоуглеродная дата с памятника Промысловое-2 указывает на бытование керамики хигаси-тарайка в конце VIII – начале IX в. [Федорчук, 1998, с. 151].

Керамика типа моточи. На самом севере Хоккайдо зафиксирована керамика смешанного типа, получившая название по местности Моточи на о-ве Рэбун [Оои Харуо, 1972]. Толстостенные сосуды с отогнутым наружу венчиком оформлены резным и штамповым орнаментом. По некоторым предположениям, эта керамика появилась у охотского населения в IX в. с приходом на северные островки носителей культуры сацумон [Кабукай-5..., 1999, с. 159–167]. Время ее бытования, видимо, было непродолжительным.

Керамика типа тобинитай. В позднем периоде охотской культуры на северо-востоке Хоккайдо и на юге Курильских островов ассимилированные носителями культуры сацумон остатки охотского населе-

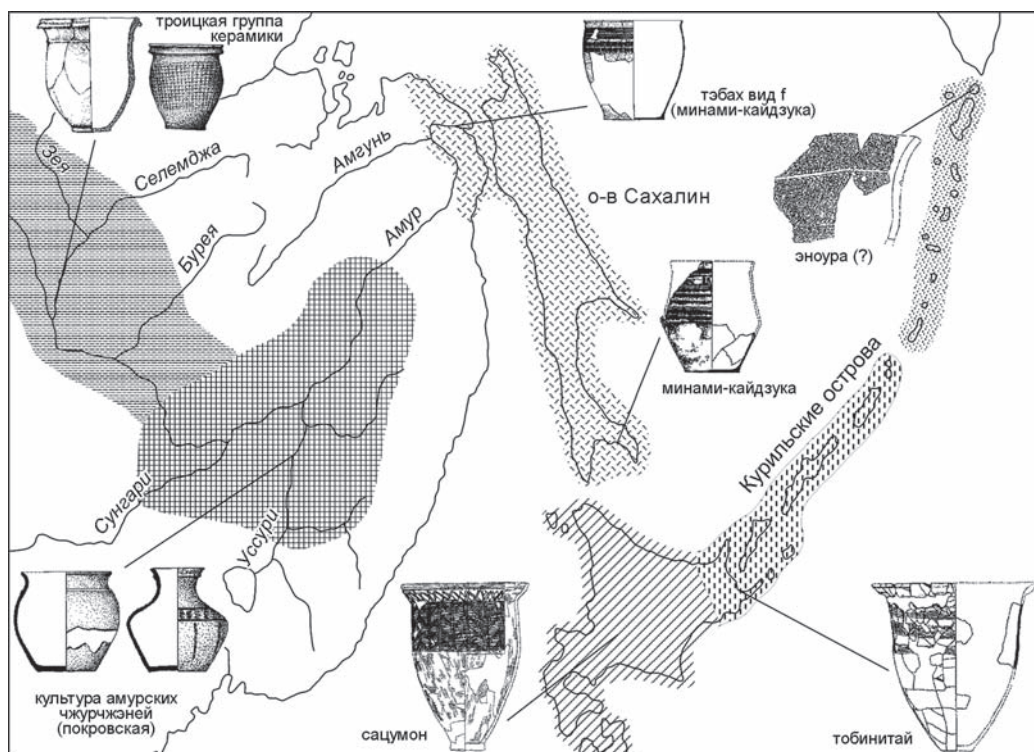

Рис. 2. Распространение основных керамических традиций в Приамурье и Охотоморье в IX–X вв.

ния дали начало культуре тобинитай [Кикиути Тэцуо, 1972]. Пока не установлено, какое население было доминирующим в процессе ее сложения.

Керамика тобинитай X–XIII вв. представлена высокими слабопрофилированными горшками и невысокими кубками. Горшки двух видов: а) с выраженной горловиной и прямым отогнутым венчиком, характерные для охотской культуры; б) без выраженной горловины с рельефным венчиком, как у изделий культуры сацумон. Наблюдается совмещение принципов орнаментации. Выпуклый декор из горизонтальных рядов тонких волнистых налепных полос т.н. лапшевидного орнамента, присущего поздним охотским сосудам, сочетается с типично сацумонским орнаментом из чередующихся наклонных и пересекающихся резных линий.

В домостроительстве также наблюдается смешение традиций культур сацумон и охотской. Отмечены жилища как пятиугольные в плане с расположенным в центре очагом с каменной обкладкой (охотская традиция), так и квадратные в плане, имеющие очаг с обкладкой или печь типа камадо (сацумон).

Хозяйственный уклад носителей культуры тобинитай преимущественно такой же, как у охотского населения. Доминировали рыбный промысел и добыча морского зверя. Однако на памятниках данного этапа развития охотской культуры на Хоккайдо отсутствуют кости свиньи и предметы, которые можно было бы отнести к материковым изделиям [Наката Юка, 1996, с. 149–151]. По-видимому, в этот период наступила временная стабилизация населения Хоккайдо; основные торговые пути проходили вдоль западного побережья острова, что вызвало некоторую изоляцию носителей культуры тобинитай.

Таким образом, изучение средневековой керамики показывает, что т.н. охотская культура распадается на ряд культур, которые, кроме схожих принципов хозяйствования, обусловленных существованием в одной экологической нише, практически ничего общего между собой не имеют. По нашему мнению, собственно охотскую культуру представляет керамика, связанная с гончарной традицией эноура (ранний период) и минами-кайдзука (поздний период).

Локальными вариантами конца первого периода охотской культуры следует считать керамику типов хигаси-тарайка и моточи. Культура тобинитай может считаться самостоятельной в силу сильных трансформаций, но она генетически связана с ранним периодом охотской культуры. Керамика тэбахского типа в устье Амура является инокультурным явлением, но население, изготовлявшее ее, было вовлечено в процесс формирования охотской культуры. Керамику типов сусуя и товада следует считать проявлением отдельных культур, т.к. сменяющая их керамика типа эноура не имеет с ними ничего общего.

Этническая принадлежность носителей охотской культуры

Сложным для решения остается вопрос об этническом составе носителей охотской культуры. Гипотеза об алеуто-эскимосских корнях [Befu, Chard, 1964, р. 11–13] в настоящее время не поддерживается исследователями. Японские археологи склоняются в основном к двум предположениям. Первое высказано Фудзимото Цуёси: культуры, предшествовавшие охотской периода эпидзёмон, связаны с предками айнов, а культура сусуя на севере Хоккайдо и юге Сахалина восходит к культурам эпидзёмона [1966, с. 28–44]. Об айнской основе в формировании популяций охотского населения высказывались и российские ученые [Шубин, 1977, с. 7]. На наш взгляд, данное предположение правомерно лишь в отношении носителей сусуйской культуры. Согласно второму предположению, развитие охотской культуры связано с миграцией населения с Приамурья.

Китайские летописи сообщают, что в VII в. Сахалин населяло племя люгуй, в XIII в. – другие племена: цилими, кувэй, юлицинь [Охоцуку..., 1982, с. 66–67, 86, 194]. Представителями культуры сацумон на Хоккайдо, по мнению большинства специалистов, были предки айнов [Утагава Хироси, 1988]. По поводу этнической принадлежности носителей охотской культуры имеются разные суждения. Есть мнение, что охотскую культуру представляли протонивхи, генетически тесно связанные с неолитическими племенами нижнего Амура [Васильевский, Голубев, 1976]. Кикиути Тосихико поддерживает эту гипотезу, считая, что носители охотской культуры (люгуй и цилими, по данным китайских летописей) являются предками нивхов [1995, с. 155–169]. Однако относительно племени люгуй имеются и другие мнения. А.А. Васильевский, основываясь лишь на фонетическом сходстве названия народа в китайских хрониках и самоназвания народов северной части побережья Охотского моря, приходит к выводу, что люгуй по языку и происхождению близки к корякам и чукчам [1999, с. 132].

Еще первые исследователи охотской культуры отмечали влияние на ее формирование континентальных культур. С точки зрения Ёсида Садаёси, носителями охотской культуры были тунгусские племена сушеней, которые испытали влияние со стороны айнов и эскимосов (см.: [Накамура Ицуки, 1979, с. 58, 61, 62]). Б.О. Пилсудский высказывал предположение о том, что носители охотской культуры – легендарные тончи – по происхождению связаны с тунгусоязычными сушенями [1991, с. 97–99]. Оно было подвергнуто критике [Васильевский, Голубев, 1976, с. 35]. Однако в пользу гипотезы Б.О. Пилсудского свидетельствуют результаты краниологических исследований, а также сообщения японских летописей о приезде мисихасэ

(сушень) на о-в Садо еще в 544 г. [Судзуки Ясутами, 1996, с. 46], хотя, по китайским источникам, сушени обитали в Приморье и на нижнем Амуре в III–IV вв. [Хигути Кадзуси, 1996, с. 80–81]. Согласно краниологическим материалам с Хоккайдо, Сахалина и Южных Курил, охотское население периода эноура не соотносится с современными нивхами или айнами, но очень близко по своим параметрам к современным ульчам и нанайцам [Спеваковский, 1989; Исида Хадзимэ, 1991; Исида Хадзимэ, Ёнэмура Тэцухидэ, 1993; Ishida Hajime, 1994], т.е. к байкальскому краниологическому типу. Возможно, население, генетически связанное с носителями охотской культуры и имевшее древние тунгусские корни, продолжало жить на севере Курильских островов вплоть до Нового времени. Первые европейцы, посетившие эти острова, отмечали сходство их жителей именно с тунгусами [Георги, 1999, с. 131].

Среди аргументов в пользу гипотезы о происхождении охотского населения от представителей найфельдской группы мохэской культуры особого внимания заслуживают краниологические серии из Западного Приамурья. Черепа из могильника Шапка, относящегося к найфельдской группе памятников мохэской культуры конца VII – IX в., соотносимой с племенами хэйшуй мохэ, принадлежат не байкальскому, а дальневосточному типу монголоидов [Чикишева, Нестеров, 2000]. Черепа же из Троицкого могильника в Западном Приамурье, который, как считается, служил местом погребения сумо мохэ, соотносятся с байкальским типом [Алексеев, 1980, с. 106–130]. Если носители охотской культуры на Сахалине и Хоккайдо восходят к найфельдской группе, то почему их краниологические признаки характерны для черепов троической группы, а не найфельдской? Ответ на данный вопрос в настоящее время отсутствует.

Согласно китайским хроникам XIII в., на заключительном этапе охотской культуры на Сахалине среди народа цилими жили и оленеводы бэйшань ежэнь [Охоцуку..., 1982, с. 193]. О том, что в охотское время население Амура занималось оленеводством, свидетельствуют петроглифы у бывшего стойбища Май, которые стилистически соотносятся с материалами тэбахской культуры. По мнению А.П. Окладникова, оленеводческие племена, оставившие майские петроглифы, возможно, мигрировали на Амур со стороны бассейна Ангары ок. X в. [1971, с. 130]. Это предположение было поддержано нами, но на основании современных представлений о времени существования керамики тэбахского типа время выхода оленеводческих племен на Амур было удревнено до VI–VII вв. [Дерюгин, Косицына, 1999]. А.А. Василевский, исходя из анализа расположения летних и зимних стойбищ на севере Сахалина, допускает, что оленеводство было в охотское (тэбахское) время [2005а, с. 135].

Для нас предпочтительнее выглядит гипотеза о полиэтничном составе носителей охотской культуры (см.: [Дерюгин, 2002]). Однако нельзя обойти вниманием мнения об охотской культуре как о «локальных мохэских археологических культурах» и о «метисной мохэско-айнской культуре тобинитай» [Василевский, 2005б, с. 75]. Айнский компонент у носителей культуры тобинитай присутствует, т.к. имеются достаточно убедительные доказательства принадлежности культуры сацумон, которая послужила основой для формирования культуры тобинитай, предкам айнов. Но использование в отношении охотской культуры этнонима мохэ, который, как показали исследования в Западном Приамурье [Древности Буреи, 2000], применяется к различным этническим группам, считаем несколько преждевременным.

Заключение

Вносимые ранее в типологию охотской культуры памятники с керамикой типа сусуя и товада, судя по их морфологическим отличиям от керамики последующего периода, представляют самостоятельные культуры. Понятие «охотская культура» следует связывать с населением, которому принадлежала гончарная традиция эноура. Памятники с керамикой типа минами-кайдзука следует отнести к позднему этапу развития охотской культуры, т.к. имеется преемственность между керамикой этого типа и керамикой типа эноура. Выделяемые некоторыми исследователями культуры (например, тэбахская), которые сосуществовали с охотской культурой, можно считать лишь локальными вариантами последней. Некоторые локальные типы керамики (например, хигаси-тарайка, моточи), связанные с гончарной традицией эноура, требуют более детального изучения.

Носители охотской культуры представляют разные этносы, но часть их была связана с тунгусами, мигрировавшими на побережье Охотского моря из Приамурья. Среди охотского было и местное островное население, о чем можно судить по динамике разнообразных локальных вариантов керамики типа эноура.

Поддерживая предположение о найфельдских истоках гончарной традиции эноура, мы не можем согласиться с трактовкой охотской культуры как «локальной мохэской археологической культуры». Существенные различия между этими культурами, которые проявлялись в погребальном обряде, домостроении, хозяйственном укладе и были обусловлены экологическим своеобразием их ареалов, не позволяют говорить о присутствии в Охотоморье мохэской культуры. Чтобы объяснить наличие общих элементов в охотской и мохэской культурах, требуется органи-

зовать дополнительные исследования в Северо-Восточном Приамурье, где должны были происходить контакты между этими двумя культурами.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 106–130.
- Василевский А.А.** Охотская проблема и ее современное прочтение в России и Японии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 129–133.
- Василевский А.А.** Стратегия адаптации в деятельности человека в условиях островных экосистем // Северная палеоантропология – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена: Мат-лы Междунар. науч. конф. «По следам древних костров...». – Магадан: Изд-во Север. междунар. ун-та, 2005. – С. 135–138.
- Василевский А.А.** Парадокс охотской культуры – прощание с великой легендой // Movement in Medieval North-East Asia – people, material, goods, technology: Vladivostok International Symposium. – Vladivostok, 2005. – Vol. 1. – P. 67–76.
- Василевский А.А.** К понятию «охотская культура» // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 246–248.
- Василевский А.А., Грищенко В.А., Кашицын П.В., Федорчук В.Д.** Археологические исследования Сахалинского государственного университета (2002–2005 гг.) // Уч. зап. Сахалин. гос. ун-та. – 2005. – Вып. 5. – С. 48–56.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.
- Георги И.Г.** Курильцы (курильские айны) // Аину миндзоку канрэнкэнкю ронбунхонякусю (Сборник переводов исследований по айнской тематике). – Нэмуру: Хоппо бунка кэнкюкай, 1999. – С. 127–134 (на яп. яз.).
- Дерюгин В.А.** Керамика «тэбахского типа» // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 71–80.
- Дерюгин В.А.** Охотоморская культурная общность? (эпизод первый) // Зап. Гродековского музея. – Хабаровск, 2002. – Вып. 3. – С. 53–66.
- Дерюгин В.А.** Керамика Северо-Западного Приохотья, сопоставимая с материалами тэбахской и охотской культур // Пятые Гродековские чтения: Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. «Амур – дорога тысячелетий». – Хабаровск: Хабар. кр. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2006. – Ч. 1. – С. 148–156.
- Дерюгин В.А., Косицына С.Ф.** Относительно керамического изделия с изображением всадников, найденного на поселении Чля-3 // Project Amur. – Цукуба: Цукуба дайгаку тиики кэнкюка, 1999. – С. 84–87 (на яп. яз.).
- Дерюгин В.А., Денек А.Б., Роганов Г.В., Косицына С.Ф.** Раскопки на поселении Аэропорт в устье Амура // Амуро-охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. – Хабаровск: Хабар. краевед. музей, 2003. – С. 111–144.
- Древности Бурей** / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.
- Дьяков В.И.** Куксинская стоянка и ее значение для выделения самаргинской археологической культуры // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 62–70.
- Дьякова О.В., Дьяков В.И.** Новые исследования в долине реки Самарги // Россия и АТР. – 2000. – № 2. – С. 27–34.
- Игараси Кунихиро.** Керамика охотского типа на Курильских островах // Нэмуроси хакубуцукан кайсэцубисицу киё. – 1989. – № 3. – С. 9–37 (на яп. яз.).
- Исида Хадзимэ.** Череп периода охотской культуры с памятника Осенная на о-ве Рэбун // Кокуруцу кагаку хакубуцукан сэппо. – 1991. – № 24. – С. 149–154 (на яп. яз.).
- Исида Хадзимэ, Ёнэмура Тэцухидэ.** Кости человека охотского периода из пещеры Омагири-7 у г. Абасири // Кокуруцу кагаку хакубуцукан сэппо. – 1993. – № 26. – С. 143–149 (на яп. яз.).
- Ито Нобуо.** Периодизация керамики доисторического периода Карафутто // Ёсида Садакити хакасэ цуто кинэн кокуси ронсю (Сборник статей по истории государства, посвященный памяти проф. С. Есида). – Токио: Дайтосёкан, 1942. – С. 19–44 (на яп. яз.).
- Кабукаи-5** исэки хаккуцу тэса хококусё (Памятник Кабукаи-5: Отчет о раскопках 2). – Рэбун: Рэбунтё кёикуинкай, 1999. – 260 с. (на яп. яз.).
- Като Симпэй.** Переправившись через пролив Мамия // Этоносу. – 1975. – № 4. – С. 40–52 (на яп. яз.).
- Кикүти Тосихико.** Хокуто Адзиа кодай бунка-но кэнкю (Исследование древних культур Северо-Восточной Азии). – Саппоро: Хоккайдо дайгакутосё канкокай, 1995. – 544 с. (на яп. яз.).
- Кикүти Тосихико.** Охотская культура // Сирой куни но ута. – 1998. – № 5. – С. 4–13 (на яп. яз.).
- Кикүти Тэцуо.** О группах керамики тобинитай // Токоро. – Токио: Токё дайгаку бунгакубу, 1972. – С. 447–461 (на яп. яз.).
- Коно Хиромити.** Группа керамики охотского типа // Хоккайдо гэнси бунка сэюэй (Развитие первобытных культур Хоккайдо). – Сайкава: Сайкава кайхэн, 1933. – С. 19–20 (на яп. яз.).
- Копытько В.Н.** Тэбаховская культура (некоторые результаты исследований) // Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. – С. 24–28.
- Кумаки Тосиаки.** Ситуация с исследованием керамики на Сахалине // Сахарин-кара Хокуто Нихокайики-ни окэру кодай, тюсэй корюси-но кокогакутэки кэнкю (Археологические исследования торговых путей в древности и средневековье между Сахалином и северо-восточными районами Японского архипелага). – Саппоро: Ун-т Хоккайдо, 2004. – Т. 1. – С. 73–80 (на яп. яз.).
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 258 с.
- Маэда Усио.** Хоппо сюремин но кокогаку (Археология северных зверобоев). – Токио: Досэйся, 1987. – 291 с. (на яп. яз.).
- Накамура Ицуки.** История исследований охотской культуры до 1955 года // Хоккайдо кокогаку. – 1979. – № 14. – С. 57–68 (на яп. яз.).

Наката Юка. Развитие древнего общества на Хоккайдо и культурные связи в X–XIII вв. // Кодай Эдзо но сэкай то корю (Культурные связи древнего Эдзо с окружающим миром). – Токио: Мэйтё сьоппан, 1996. – Т. 8. – С. 141–168 (на яп. яз.).

Нииока Такэхико. Заметки о доисторической керамике бывшей территории Карафуто // Хоккайдо кокогаку. – 1970. – № 6. – С. 1–14 (на яп. яз.).

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Оои Харуо. Относительно охотской керамики с памятника Моточи на о-ве Рэбун // Хоппо бунка кэнкю. – 1972. – № 6. – С. 1–36 (на яп. яз.).

Охоцуку бунка но сёмондай (Проблемы охотской культуры) / Под ред. Харуо Оои. – Токио: Гакусэйся, 1982. – 226 с. (на яп. яз.).

Пилсудский Б.О. Аборигены Сахалина. – Южно-Сахалинск: Сахалин. отд-ние Советского Фонда культуры, 1991. – 109 с.

Спеваковский А.Б. Древнее погребение на о. Шикотан и проблема этногенеза айнов // СЭ. – 1989. – № 5. – С. 50–63.

Сугияма Суэо. Керамика с «медвежьим» орнаментом // Дзинруйгаку дзасси. – 1932. – № 347-11. – С. 432–437 (на яп. яз.).

Судзуки Ясугами. Связи древнего Эдзо с окружающим миром // Кодай Эдзо-но сэкай то корю (Связи древнего Эдзо с окружающим миром). – Токио: Мэйтё сьоппан, 1996. – Т. 8. – С. 13–72 (на яп. яз.).

Судзуки Кацухико, Тэрада Токухо. Охотская керамика, впервые обнаруженная на Хонсю // Хоккайдо кокогаку. – 1993. – № 29. – С. 21–28 (на яп. яз.).

Удзиэ Тосифуми. Заметки о керамике типа минамикайдзука // Хоккайдо кокогаку. – 1995. – № 31. – С. 229–240 (на яп. яз.).

Усиро Хироси. Некоторые проблемы хронологии охотской культуры // Хоккайдо кайтаку кинэнкан кэнкю нэмпо. – 1991. – № 19. – С. 23–52. (на яп. яз.).

Усиро Хироси. Хронологические сопоставления изменений в охотской культуре // Кита но рэкиси бунка корю кэнкю дзигё (Исследования по культурным и историческим связям с Севером). – Саппоро: Хоккайдо кайтаку кинэнкан, 1995. – С. 45–62 (на яп. яз.).

Утагава Хироси. Айну бунка сэйрицуси (История становления айнской культуры). – Саппоро: Хоккайдо сьоппан кикаку сэнта, 1988. – 376 с. (на яп. яз.).

Федорчук В.Д. Археологические исследования Поронайского историко-этнографического музея в 1993–1994 гг. // Вестн. Сахалин. музея. – 1995. – № 2. – С. 29–48.

Федорчук В.Д. Керамика поселений с раковинными кучами северного побережья залива Терпения // Вестн. Сахалин. музея. – 1998. – № 5. – С. 143–162.

Фудзимото Цуеси. Об охотской керамике // Кокогаку дзасси. – 1966. – № 51-4. – С. 28–44.

Хигути Кадзуси. Эмиси-ватарисима // Кодай Эдзо-но сэкай то корю (Связи древнего Эдзо с окружающим миром). – Токио: Мэйтё сьоппан, 1996. – Т. 8. – С. 73–102 (на яп. яз.).

Чкишева Т.А., Нестеров С.П. Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 458–462.

Шубин В.О. Локальный вариант охотской культуры на о-ве Сахалине: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1977. – 21 с.

Шубина О.В. Этапы заселения древним человеком укрепленного поселения Белокаменная-часи на Южном Сахалине // Вестн. Сахалин. музея. – 1999. – № 6. – С. 227–252.

Ямада Горо, Хиракава Ёсинага, Кобаяси Юкио, Усиро Хироси, Саго Такахиро. Находки материкового происхождения с памятников охотской культуры // Кита но рэкиси бунка корю кэнкю дзигё (Исследования по культурным и историческим связям с Севером). – Саппоро: Хоккайдо кайтаку кинэнкан, 1995. – С. 65–80 (на яп. яз.).

Ямаура Киёси. Доисторическая керамика Карафуто. 1 // Кокогаку дзасси. – 1985. – № 71-1. – С. 44–68 (на яп. яз.).

Befu H., Chard Ch. S. A Prehistoric Maritime Culture of the Okhotsk sea // American Antiquity. – 1964. – Vol. 30, № 1. – P. 3–14.

Ishida Hajime. Skeletal morphology of the Okhotsk people on Sakhalin island // Anthropol. Sci. – 1994. – № 102. – P. 257–269.

Материал поступил в редколлегию 18.01.07 г.